

Михаил
УЛЬЯНОВ:«ТЕАТР—ТО, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ
БОЛЬШЕ УВИДЕТЬ НИГДЕ»

О Н ССУТУЛИЛСЯ не от времени — от тяжких событий этого долгого дня. Не полностью выполнил Едигей волю покойного своего друга Казангапа, была тому неожиданная причина.

И вот он просит сына покойного: предстоит мне трудный разговор, пойдём, помоги мне, ты грамотный, разные книги читал... Но отвечает тот: «Оставь это дело, старик. Мне это совсем ни к чему». И тихо, как-то замедленно говорит Едигей: «Нет, люди, не прав Сабитжан. Мое дело—это мое дело, а в чужие дела я не вмешиваюсь. Но обижаться нельзя — только на судьбу, когда она смерть пошлет... А за все остальное есть и должен быть спрос. И пока я живу, я с этим никогда не смирюсь, насколько хватит моих сил. А если я сдамся, то я уроню себя в собственных глазах. Вот и все, люди, что я хотел вам сказать, я человек простой — как могу, так и думаю».

Спектакль окончен, но зал не «взрывается» аплодисментами. Сначала наступает тишина. Только мгновения спустя зал, будто опомнившись, откликается благодарно. Слова Едигея не отпускают...

— Михаил Александрович, в последнее время вы сыграли на сцене и в кино несколько, по общему мнению, ярких ролей. Одни — «ульяновские» трактовок хорошо известных образов: Ричард III, Наполеон. Другие созданы наново. Из них на первое место поставим образ маршала Жукова. Сегодня, по-моему, можно говорить о том, что если Чапаева мы связываем с личностью, воплощенной на экране Бабочкиным, то образ Георгия Константиновича Жукова неотделим от вашей работы, он вошел в наше сознание «через вас». Среди созданных наново — и Едигей Жангельдин, герой романа Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» («И долгие века длится день...»). Путевой рабочий, человек самый что ни есть рядовой: там снег расчистит, тут гравий подсыплет... И на фронте был рядовым. Что привлекло вас в нем, какие его черты оказались вам близкими?

— В наш сжатый во времени и пространстве век мир как бы

сгустился во взаимоотношениях и взаимодействиях. Это потянуло за собой много проблем. Например, растет жестокость: тому есть социальные и иные причины. Обнаружилось, что и в наше время религия в огромной степени может использоваться в политических целях... Словом, в мире что-то происходит. И вот Чингиз Айтматов задался, как я понимаю его роман «Буранный полустанок», вопросом: что же является фундаментом жизни, несмотря на все видоизменения, сгущенность, с вытекающими из них очень сложными последствиями? Отвечает он однозначно: при полетах в космос, при технизации, при том, что каждый уголок земли стал наблюдаем почти в подробностях, при том, что земной шар опутан радио-, теле-, авиапаутиной, при

том, что многие вопросы разрешаются сейчас труднее, чем несколько десятилетий назад, — фундаментом этого быстромыслящегося и круто кипящего века является че-ло-век.

Куда он направлен, по какой дороге его заставили или зовут идти? Айтматов, опять же как я его понимаю, считает: независимо от того, кем является человек, он обязан быть прежде всего человеком, живущим по законам человеческого, а не звериным. По законам общества, где должны существовать дружба, верность, любовь, где впереди сердце, а не соображения «кому это выгодно». Едигей Жангельдин в литературе последних лет отвечает этому представлению, как никто другой. Фигура, в которой, мне кажется, сочетаются единственность, социальность и обобщенность. Живой, неповторимый человек со своими страстями, со своей приверженностью к степям Сарозекам, со своим характером, в котором переданы типичные черты нашего человека, и причем лучшие, подчеркиваю: луч-ши-е. Естественно, что, исповедуя театр как форму раздумий над жизнью и будучи малой частицей театрального течения, я, когда в вахтанговском доме родилась идея поставить спектакль по роману Айтматова и для этого был приглашен режиссер, он же автор инсценировки Азербайжан Мадиевич Мамбетов, взялся за роль Едигея с огромной радостью. И, разумеется, с пониманием всей

сложности воспроизведения этого образа на сцене, ну хотя бы потому, что роман популярный, о нем много спорили...

— На пресс-конференции сразу же после юбилейного писательского пленума я спросил Чингиза Айтматова о его отношении к проблеме положительного героя в литературе. Он ответил куда как ясно: без тако-го героя литература немислима. Во все времена, во всех формах, продолжал он, от устного эпоса до современного романа, влияние слова на дело (иначе — на человеческую деятельность) измерялось силой создаваемого этим словом примера. Так вот Едигей — герой положительный, в нем тщетно искать ту или иную «дозу отрицательного». Он написан как бы одной краской, но эта одна краска — не голубая и тем более не розовая. Она, если можно так сказать, человеческая.

— По своему опыту в театре и кино знаю: самые благородные заявления со сцены или экрана ничего не стоят, если они не воплощены в личности человека. Без этого все красивые слова — сотрясение воздуха в зале, они остаются без ответа в сердце зрителя. Вроде бы все есть, но нет человека, нет неповторимой личности. Удачи бывали тогда, когда на сцене или на экране жили люди, никогда до того в искусстве не существовавшие: Гай, Шадрин, Губанов, в конце концов Председатель. Таков и Едигей. Он такой, какой есть, и никакой другой, и потому что он — личность, его слова «я не промолчу» или «если я сдамся, то я уроню себя в собственных глазах» звучат не декларативно: в них его суть.

Есть такое недекларируемое, но подразумеваемое условие существования на сцене положительного героя: он непременно оказывается не только хорошим человеком, но и занимает при этом приличное и видное место. Вы скажете: а Потапов? Что ж, и он — бригадир, а сейчас, при бригадном подряде, фигура это крупная. Есть и еще одно негласное условие: заставить героя ответить сразу на все вопросы сегодняшней жизни. Но если бы знать все ответы!.. Каким же должен быть положительный герой? Мнения разные; естественно, думаю об этом и я. И вот недавно я лично для себя такое определение нашел: «А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя... Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них». Эти слова пронзили меня точно-стью определения цельности личности, способной служить примером. Они сказаны Феликсом Эдмундовичем Дзержинским на объединенном пленуме ЦК и ЦКК партии 20 июля 1926 года. Вероятно, поэтому Маяковский советовал юноше, обдумывающему житье, делать жизнь «с товарища Дзержинского»...

— Это, действительно, относится и к нашему Едигею. Но был бы он другим, если бы не жил на полустанке Буранном? Нет ли здесь оттенка: Едигеем, мол, можно стать лишь вдали от городской суеты?

— Зачем тогда Айтматову нужен космос, зачем ему поднимать определенные события в нашей истории, объединять весь окружающий мир с этим заброшенным куском земли? Наоборот, мне кажется, писатель как бы говорит: вот скромный путевой рабочий, живет в Сарозеках, кругом степь да колючки, а оказывается, и его касаются все тревоги и волнения сегодняшней жизни. Думаю даже, что он как бы подчеркивает: нет та-

кого угла, где можно спрятаться от горячих вопросов сегодняшнего бытия. Едигей для меня потому и современный герой, что он настойчиво и упорно ищет на них ответы, будь это космос, любовь, политика, экология...

— Пьеса — не роман, в ней невольно приходится довольствоваться меньшим объемом действия, чем в книге, иногда меньшим числом действующих лиц. В этом отношении инсценировка Мамбетова отвечает, так сказать, устойчивому представлению. Но вот в какой степени главные линии романа перенесены на сцену? Речь не только о сюжете, меньше всего о сюжете — об общей атмосфере действительности в том виде, как она представлена в романе и как отразилась в пьесе. Мне кажется, что потери здесь немалые, чтобы не сказать большие. Так, трудно согласиться с тем, что в пьесе не упоминается геолог Ели аров, человек, духовно чрезвычайно близкий Едигею: именно Елизарову вкладывает в уста писателя фразу «справедливость неистребима на земле» как итог всех исканий Едигея и в себе, и в окружающем мире... Жаль, на мой взгляд, что «сокращенные» страницы романа, связанные с борьбой Едигея за добро имя Абуталипа, как и его последняя поездка по делам кладбища Ана-Бейит. Не потому ли на сцене не оставляет ощущение, что у истории Едигея в пьесе нет финала? Не знаю, как это сделать, знаю только, что в романе Едигей окружен людьми, многие из них — достойные люди, в пьесе же отсутствует Елизаров, как, впрочем, и еще кое-кого, сузило вокруг Едигея среду, в которой ОН БЫЛ ОН.

— Вспомните: спектакль завершается словами «я не сдамся». В них суть характера героя, и недостаток сценического времени (мы обязаны уложиться в три часа) дает, на мой взгляд, автору инсценировки право многое оставить за скобками. Что же касается истории гибели Абуталипа, для нас она интересна тем, что открывает еще одну возможность показать благородство и гражданское мужество Едигея — то, что и в этих условиях он остается че-

ловеком. Мы ведь старались передать не весь роман, но дух его.

— Роман и пьеса при том, что действие в них отражает события и проблемы, общие для всей страны, вместе с тем глубоко национальные плотью своих образов, атмосферой традиций, обычаев и представлений, деталями быта. Все это ощущается в спектакле, не ошибешься: все происходит там, на далеком разъезде в Казахстане. В связи с этим — вопрос: какие проблемы перед русским театром выдвигает постановка пьесы национального автора? Каково соотношение интернационального и национального? Наконец, искали ли вы какие-то средства для передачи национального, надо ли было изучать детали быта, поведения?

— Я ставлю встречный вопрос: возможен ли такой характер у представителя другого народа? Возможен ли украинский, эстонский, грузинский Едигей? Вполне. Различие — в деталях, сходство — в действиях и мыслях. Все творчество Чингиза Айтматова построено на национальной основе, но, переноса действие в родную Киргизию, на север страны или в Казахстан, писатель размышляет о проблемах общечеловеческих, интернациональных. Плохо, когда национальное произведение оказывается областным. Когда мы работали над спектаклем, мы не ставили перед собой этнографической задачи. Хотя и не отрицали некоторых знаков национальных — в костюмах, в манере сидеть, еще где-то. Но при этом помнили: сегодняшний зритель пусть и торопливый, но понятливый, ему нужно только дать знать: это происходит там-то, и ему достаточно... Если в национальной пьесе нет проблем, тревожащих всех, то зачем ее ставить в Москве или Сызрани? Если же в Ашхабаде или Ташкенте на сцене рассказывается о вещах, понятных, близких и нам, тогда это уже общее, советское.

— И вопрос «под занавес»: почему театр стал часто обращаться ныне к крупным недраматургическим произведениям? Бывает, что и целый фильм снимается по газетному очерку...

— Театр тревожно и потому настойчиво ищет новые голоса, новые способы воздействия на зрителя. Телевидение, радио, видео: попробуйте удивить или — еще больше — восхитить его! И залы стали редеть. Причина? Театр должен нести новую информацию, нечто такое, чего нельзя больше увидеть нигде. У театра есть неповторимое свойство — непосредственное общение со зрителем. Весь «актерский процесс» течет на его глазах. Без примеси химии, механизации, автоматизации: это все остается за пределами театра. Почему вахтанговцы взялись за «Буранный полустанок»? Потому, что театр хочет вести все более и более сложный разговор со зрителем, глубокий, честный. Я, актер, вижу на этом спектакле, какие напряженные, внимательные, размышляющие глаза у зрителей. Смею вас уверить: не на каждом спектакле я вижу такие глаза. Не потому, что наш спектакль непререкаем, а потому что размышления, которые нам в той или иной мере удастся донести, близки сегодняшнему зрителю. Есть масса способов развлечься и отвлечься, но раздумывать, искать ответы на вопросы сегодняшней жизни люди хотят с помощью литературы и искусства. Театр все-таки трибуна, и в то же время это собрание людей: в зале тысяча двести человек, и три, пять, восемь актеров ведут с ними разговор. И если этот разговор нов, серьезен, глубок, нужен, то зрительные залы будут полны. И на нашем пешеходном Арбате в том числе...

Беседу вел
Георгий МЕЛИКЯНЦ.